

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Памела Треверс

Мери Поппинс с Вишнёвой улицы

Глава 7
Птичница

– А может, ее там не будет, – сказал Майкл.
– Она всегда там, – ответила Джейн. – Вот увидишь.
Они шли вверх по Лудгейт–Хилл. В Сити у себя в конторе их ждал мистер Банкс. Утром он сказал миссис Банкс:
– Дорогая, хорошо бы Джейн с Майклом зашли сегодня за мной в контору, если, конечно, не будет дождя и ты не возражаешь. Мне вдруг захотелось пойти в кафе "Чай с пряниками". Я ведь так редко позволяю себе какое–нибудь баловство.
Миссис Банкс ответила, что подумает о его словах.
Весь день Джейн и Майкл с замиранием сердца наблюдали за мамой, но было похоже, что о словах отца она и думать забыла. Из ее разговоров явствовало, что у нее в голове счета из прачечной, новое пальто для Майкла, пропавший адрес тетушки Флосси и несчастная миссис Джексон, которая пригласила ее на чай во второй вторник месяца, а ведь знала, что в этот день пойдет лечить зубы.
И вот когда они совсем уже потеряли надежду, что мама вспомнит про слова отца, миссис Банкс вдруг сказала:
– Ну вот что, дети, хватит таращить на меня глаза. Одевайтесь поскорее. Вы сегодня идете с отцом в кафе "Чай с пряниками". Вы что, забыли? Да разве они могли это забыть? Дело было не только в пряниках. Была еще Птичница – а это самое лучшее на свете!
Вот почему они в таком волнении шагали сейчас по Лудгейт–Хилл. Мэри Поппинс шла между ними в своей новой шляпке и выглядела потрясаяще. Каждые пять минут она смотрелась в зеркальные витрины – и каждый раз убеждалась, что шляпка была на месте, красные розы не превратились в какиенибудь простенькие цветы, вроде маргариток. При этом она замедляла шаг, а Джейн с Майклом вздыхали, но не смели ничего сказать – вдруг Мэри Поппинс рассердится и будет назло по часу стоять у витрины и разглядывать себя не только спереди, но и с боков.
Но вот наконец подошли они к Собору Святого Павла, который построил много лет назад человек с птичьим именем – Христофер Рен. (У них дома жил однажды скворец по имени "Христофер".) Наверное, поэтому птицы так любят этот Собор и, конечно, по этой причине рядом с Собором жила старая Птичница.
– Вот она! – вдруг закричал Майкл и сплясал танец дикарей.
– Перестань паясничать, – сказала Мэри Поппинс и последний раз взглянула на отражение красных роз в витрине ковровой лавки.
– И опять поет свою песню! – воскликнула Джейн, крепко прижимая к груди ладошки – вдруг сердце от радости выскочит.
– Купите птичкам обед! Всего два пенни пакет! Купите птичкам обед! Два пенни пакет! – нараспев выкрикивала Птичница одну и ту же строчку, протягивая проходим пакетики с хлебными крошками.
А вокруг нее порхали десятки, а может, сотни птиц, вились над головой, взлетали и снова падали вниз.
Мэри Поппинс называла всех птиц "воробушки". Все птицы для нее на одно лицо, высокомерно объясняла она. Но Джейн–то с Майклом знали – никакие это не воробьи, а голуби и горлинки. Среди них были болтливые, суетливые сизые голуби–бабушки; быстрые грубоголые голуби–дядюшки; трезво–нящие "денег–нет, денег–нет" голуби–папы и бестолковые, озабоченные нежно–голубые горлицы–мамы. Так, во всяком случае, казалось Джейн и Майклу. Птицы кружили и кружили над головой Птичницы, а когда дети подошли, вдруг шумно взмыли вверх и сели на самую макушку Святого Павла, громко гуля и не обращая на Птичницу никакого внимания.
Сегодня была очередь Майкла покупать птицам еду. Джейн покупала в прошлый раз. Он подошел к Птичнице и протянул ей четыре полупенсовика.
– Купите птичкам обед! Всего два пенни пакет! – пропела Птичница, вложила ему в руку птичью еду и спрятала полученные монетки в складках широченной черной юбки.
– Если бы ваши пакеты стоили один пенс, я бы купил два, – сказал Майкл.
– Купите птичкам обед! Всего два пенни пакет! – опять прокричала Птичница, как кукушка, у которой только одна песня – "ку–ку", "ку–ку", о чем ее ни спросишь.
Джейн с Майклом и Мэри Поппинс высыпали крошки на землю, и скоро птицы сначала поодиночке, потом по две, по три стали слетать с купола.
– Дура полоротая, – презрительно сказала Мэри Поппинс, когда одна голубка, клюнув крошку, тут же выпустила ее из клюва.
Но остальные птицы клевали на зависть, громко воркуя, толкаясь и цокая лапками. Скоро все было съедено подчистую – ведь воспитанные голуби ничего не оставляют. Убедившись, что больше есть нечего, голуби одним мощным, рвущим в глазах движением вспорхнули и закружились над головой Птичницы, повторяя на своем языке ее бесконечную песню. Одна голубка опустилась ей на шляпку и села, поджав лапки, – точь–в–точь украшение на короне. А какой–то голубь принял новую шляпку Мэри Поппинс за розовый куст и сорвал клювом цветок.
– Ах ты, негодный воробей! – воскликнула Мэри Поппинс и махнула на него зонтом. Голубь, оскорбленный до глубины души, подлетел к Птичнице и назло Мэри Поппинс воткнул розу в шляпу Птичницы.
– Начинка для пирога, вот ты кто! – не на шутку рассердилась Мэри Поппинс. Бросила на него последний гневный взгляд и прибавила, обращаясь к детям: – Идемте скорее! Давно пора идти.
А голубь только рассмеялся, повернулся к Мэри Поппинс хвостом и презрительно потрянул им.
– До свидания, – сказал Майкл Птичнице.
– Купите птичкам обед! – пропела та, улыбнувшись.
– До свидания, – подхватила Джейн.
– ...всего два пенни пакет! – закончила Птичница и помахала детям.
Пошли все трое дальше – дети справа и слева, Мэри Поппинс в середине.
– А что будет потом, когда все уйдут? – спросил Майкл у Джейн.
Он хорошо знал, что будет, но по правилам игры должен спросить у Джейн, ведь это в общем–то ее история.
И Джейн стала рассказывать, а он вставлял то, что Джейн пропускала.
– Ночью, когда все спят... – начала Джейн.
– ... и на небе зажигаются звезды, – прибавил Майкл.
– И даже если не зажигаются, все голуби слетают с купола Святого Павла и прыгают вокруг Птичницы, смотрят, не осталось ли где крошек. И если осталось, клюют, чтобы утром вокруг Собора была чистота. А когда наведут чистоту...
– Ты забыла, они еще купаются.
– Да, купаются и чистят перышки. Делают три круга над Птичницей. И после этого устраиваются на покой.
– Садятся к ней на плечи?
– Да, и на шляпу.
– И на корзину с пакетами?
– Да, и на корзину. Потом Птичница гладит перышки у них на голове и говорит им, что надо слушаться и хорошо себя вести.
– На птичьем языке?
– Да. А когда у них начинают слипаться глазки, она расправляет складки своей юбки, как мама–курица крылья, и все голуби и голубки – порх–порх–порх – прячутся к ней под подол. Спрячется последний голубь, она начинает покачиваться, кудахтать над ними, они засыпают и крепко спят до утра.
Майкл счастливо вздохнул. Он любил эту историю и мог слушать ее без конца.
– Это все правда, верно, Джейн? – как всегда, спросил он.
– Нет, – ответила, как всегда, Мэри Поппинс.
– Да, – сказала Джейн. Она лучше все знала.

[Далее...](#)